

А. Н. Андреев

УДК 82.0

Кафедра теории литературы, филологический факультет,
Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь**«ЖЕНСКОЕ» КАК СТРУКТУРА
ПЕРСОНАЖА В ЛИТЕРАТУРЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА В СТИХАХ
А. С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»)**

В контексте отношений «натура – культура» (психика – сознание) отношения женщины и мужчины рассматриваются как реализация природных отношений через духовно-информационные: приспособительное (женское) начало тянется к познавательному (мужскому). В этой связи отношения мужчины и женщины рассматриваются как способ существования истины в художественном произведении. Отмечено, что в «Евгении Онегине» любовь как тип универсальных отношений, возможно, впервые в литературе включена в перечень высших культурных ценностей.

Ключевые слова: любовь, литература, антропологическое литературоведение, информация, культурные ценности, психика, сознание.

Образец цитирования: Андреев А. Н. «Женское» как структура персонажа в литературе (на материале романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин») // София. 2017. № 2. С. 65–70.

A. Andreyeu Department of Theory of Literature, Philological Faculty,
Belarusian State University, Minsk, Belarus**«FEMALE» AS A STRUCTURE
OF A CHARACTER IN LITERATURE
(ON THE MATERIAL OF «EVGENIY ONEGIN»
BY A. PUSHKIN)**

Relationship between man and woman within the «nature – culture» (psyche – consciousness) relationship are regarded as the realization of nature principles through noetic-informational principles, i. e. adaptive (female) principles reaching for cognitive (male). In this context, the relationship between men and women are regarded as a way of existence of truth in fiction. The author emphasizes the novel «Evgeniy Onegin» as perhaps the first evidence of presenting love as a type of universal relationship included in the list of key highest cultural values.

Keywords: love, literature, anthropological literary studies, information, cultural values, psychics, conscience.

For citation: Andreyeu, A. (2017). «Female» as a structure of a character in literature (on the material of «Evgeniy Onegin» by A. Pushkin). *Sophia*, 2, 65–70 (in Russ.).

Автор:
Анатолий Николаевич Андреев – доктор филологических наук, профессор кафедры теории литературы филологического факультета БГУ.
anandreev58@mail.ru

Author:
Anatol Andreyeu – Doctor of Philology, Professor of the Department of Theory of Literature of the Philological Faculty, BSU.

Все «лишние люди», которые являются вовсе не лишними, а даже обязательными персонажами литературы как формы культуры (ибо лишние представляют собой модус функционирования личности в современном типе социума), так или иначе показаны в отношениях с женщинами. Лишний и любовь – понятия почему-то неразделимые. Почему?

Потому что отношения женщина – мужчина представляют собой модус отношений психика – сознание, натура – культура. Выявление сущности культуры наиболее эффективно при контакте с ее противоположностью – натурой. Вот откуда эти бесконечные *rendez vous*, эти испытания любовью.

Любовь любовью, однако не это делает роман романом, вопреки распространенному заблуждению, будто любовь и есть едва ли не решающий романский признак. Что стоит за любовью? Если за любовью не просматривается некий смысловой остаток, а ощущается только горько-сладкий осадок, то перед нами не роман. Главная интрига романа, собственно, романский строительный материал, – это логика духовного становления человека (в «Евгении Онегине», в частности, – это логика духовного становления Онегина). А логика эта неумолима и неотменима (объективна), ибо она отражает закон: духовное становление – это путь от психического (бессознательного) освоения мира к сознательной – концептуальной, философской – регуляции. Внутренний сюжет романа, содержание (в точном смысле этого понятия) сводится к тому, что Онегин превращается из человека в личность, из нерассуждающего дамского угодника в умудренного философа. Способ такого превращения – мысль, умение думать, идти от частного к общему, от общего – к универсальному. В этом контексте любовь может представлять собой подлинно культурный сюжет (в основе которого – «воспитание чувств», где роль воспитателя, конечно, отводится разуму), ту самую интригу превращения человека в личность, а может так и остаться изящным «описанием чувств» разной продолжительности и интенсивности (то есть так и не стать проблемой разумного существования). Любовь любви рознь; любовь как проявление мужского начала в корне отличается от любви как способа женского существования. Тем не менее любви покорны не только все возрасты, но и натура, и культура, и мужчина, и женщина. Именно любовь выступает связующим звеном в жизни человека, трагически «поделенного» на мужчину и женщину, и вместе с тем стремящегося к спасительной целостности.

Если присмотреться, как духовно (и, следовательно, эстетически) выстроен «мыслящий» герой А. С. Пушкина Евгений Онегин, то с удивлением можно обнаружить, что момент бессознательного (женского) играет в становлении умного персонажа едва ли не решающую роль.

Почему Онегин так поклонялся «науке страсти нежной»?

Почему он вдруг перестал ей поклоняться, почему им вдруг «овладел» «недуг» («которого причину», если сознательно отнестись к «недугу», «давно бы отыскать пора»)?

Почему он, покинув Петербург, отправился в деревню?

Почему он, «философ», «сошелся» с поэтом Ленским?

Почему он напросился в гости к Лариным, хотя прекрасно понимал бессмысленность этой затеи?

Почему он с таким раздражением возвращался из гостей, вымещая свое забавное недовольство на ни в чем неповинном Ленском (между ними состоялась, по сути, микродуэль, своеобразная репетиция последующей гибельной дуэли)?

Почему откликнулся на письмо Татьяны и добровольно поехал к ней на «исповедь» (поступая, между прочим, «очень мило»)?

Почему он жил в деревне «святой» жизнью «анахорета»?

Почему как-то раз зимой, обедая с Ленским, Онегин вдруг вспомнил о «соседках», о сестрах Лариных, причем первой назвал Татьяну? «Ну, что соседки? Что Татьяна? Что Ольга резвая твоя?».

Почему вновь согласился «заглянуть», «заехать» к ним (повод – именины Татьяны), хотя прекрасно отдавал себе отчет, чем должен закончиться этот странно мотивированный визит?

Почему он, «попав на пир огромный, уж был сердит»?

Почему «взор очей» Евгения, который «молча поклонился» имениннице, «был чудно нежен»?

Почему он вновь назначил виноватым в своей злобной хандре Ленского?

Почему «отмстил» своему другу так жестоко и легкомысленно?

Почему так глупо принял его глупый вызов на дуэль?

Почему, понимая всю глупость положения, не исправил его (хотя мог бы)?

Почему нажал на курок? Почему убил? Почему Ленского?

Почему уехал? Почему вернулся? Почему в Петербург?

Почему «дожив без цели, без трудов до двадцати шести годов, томясь в бездействии досуга, без службы, без жены, без дел, ничем заняться не сумел»?

Наконец: почему вдруг влюбился в замужнюю Татьяну? И вдруг ли?

Почему пишет ей письмо, понимая всю бессмысленность, «безумство» отчаянного жеста?

Почему поехал к ней, выслушивать ее «исповедь», хотя, как всегда, «предвидел все»?

Почему?

Собственно, «мыслить» означает не что иное, как формулировать вопросы, намеченные безъязыким бессознательным, и пытаться на них ответить, чтобы тут же сформулировать новые вопросы. Мыслить – общаться с бессознательным; сознательно же общаться с бессознательным означает выяснять отношения между натурой и культурой.

Вот почему мыслящий герой все время ставит себя в тупик, то и дело задает себе трудноразрешимые загадки.

Человек как дитя природы является загадкой для себя как личности, продукта культуры. Собственно, только этим он и интересен; только это может превратить его в субъект и объект эстетического познания – в героя романа, проще говоря.

Вот и получается, что можно считать структурой персонажа ответы (потому что, потому что – и так далее), увязанные в систему, а можно – системно организованные вопросы (почему? почему?). В идеале, конечно, одно порождает, дополняет другое и, что принципиально, одно сливается с другим. Сознательное сливается с бессознательным; одно осознается как момент другого. Возникает целостно организованная информационная модель.

Почему Онегин так поклонялся «науке страсти нежной»?

Потому что в целостной системе «тело – душа – дух» начало витальное, психофизиологическое, информационно пока что довлело, временно главенствовало над ментальным, над духовно-психологическим.

Почему Онегин вдруг перестал поклоняться «науке страсти нежной», почему им вдруг «овладел» «недуг» («которого причину», если сознательно отнести к «недугу», «давно бы отыскать пора»)?

Потому что он научился формулировать вопросы к себе, осознал, что он живет как существо бессознательное. Казалось бы, осознал и осознал. Однако существует закон сохранения информации, согласно которому, в частности, «кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей». Мыслишь, следовательно, презираешь существование без мысли; следовательно, презираешь себя самого, гения «науки страсти». Вот причина недуга.

А следствия, вытекающие из этой «метафизической» причины, становятся причиной несчастий, вполне сопоставимых с катастрофой. Жить сознательно – значит, по определению, существовать автономно (личность – всегда отдельная единица в социуме, где счет идет на этносы, классы, касты и целевые аудитории). В психологическом плане жить сознательно – быть одиноким, в плане социальном – лишним. А вот существовать бессознательно – значит, по определению, тянуться к людям, жить совместно, семейно, не автономно. Татьяна, живущая, как и «все», жизнью бессознательной, может принять автономность Онегина только как «пародию», как бессмысленное чудачество, как временную моду на умонастроение. Онегин ее понимает, она его любит (любовь – это высшее проявление натур, чуждых сознательной регуляции). Отношения Онегина и Татьяны – это эталонные отношения эталонных мужчины и женщины. «Он» мыслит, и вследствие этого становится одиноким и лишним; «она» думает, что думает, и потому по себе судит о тех, кто способен мыслить. С ее точки зрения, «он» – жалкий путаник и беспринципный человек, «раб» «мелкого чувства»; с его точки зрения, «она» права уж тем, что является женщиной, от которой мысли может требовать только дурак. Они фатально не могут быть вместе, однако они фатально обречены вечно тянуться друг к другу, как это делают ум и душа. Концовка экзистенциального сюжета романа в стихах далеко не случайна.

«Недуг» определил судьбу.

Почему он, покинув Петербург, отправился в деревню?

Потому что в городе, столице, где, казалось бы, разум и культура должны определять жизнь духа, на самом деле люди живут страстями (хорошо, если «нежными»), думают желудком. Выбор деревни в этой ситуации становится жестом личности, формой протеста: лучше жить на природе, в природе и честно быть некультурным, естественным, чем делать вид, что ты выделился из природы и стал культурным. Такой выбор переводится на язык мысли следующим образом: в городах, где должна процветать культура, культуры не больше, чем в глухой деревне. Культура слаба; возможно, ее в принципе нет. Жест человека, не верящего в культурную природу человека, становится культурным по сути: перед нами уже сознательная регуляция поведения, противостоящая бессознательной. Онегин находится в культурном поиске, хотя и скрывает это от самого себя.

Почему он, «философ», «сошелся» с поэтом Ленским?

Потому что противоположности («противуречия», как сказано в романе) притягиваются друг к другу, сходятся. Это общая посылка (философская, однако, по своей сути: вот она, точка отсчета в модели мира, представленной в романе). В более конкретном плане союз философа и поэта – это модус единства ума и сердца, психики и сознания, культуры и натуры.

Почему Онегин напросился в гости к Лариным, хотя прекрасно понимал бессмысленность этой затеи?

Потому что сердцу не прикажешь: невозможно ограничить жизнь духа только функционированием мысли. Мыслить и, следовательно, презирать – недостаточно. Душа, пусть и мужская, требует любви, нравится это уму-разуму или нет (уму, кстати, это не может не понравиться, что в романе и произошло). Онегин рвется к Лариным – к любви, хоть ему самому и неприятно это осознавать.

И так далее.

Подобная структура, подчеркнем, особенно важна для героя самостоятельно мыслящего, «самодостаточного» (автономного), отдающего себе отчет в том, как его сознание зависит от психики, мысли от чувств. Герой же приспособляющийся, не способный к познанию и самопознанию, ограничивается только «вопросами», которые даже не осознаются как вопросы. В жизни и судьбе такого героя (а чаще – героини) констатируется наличие какой-то вездесущей данности, присутствие некой скрытой логики, а какой – Бог весть. Сущность таких персонажей проявляется через обстоятельства, но не формируется «на глазах» у читателя; сущность эта, очевидно, задана априори. Если и происходят события, то они затрагивают не духовную вертикаль (отражающую движение от психики к сознанию), а духовную горизонталь: переживания, даже страсти-мордасти, так и не трансформируются сначала в «мысль», а затем в «презрение» – чтобы вновь обострить «уже более глубокую мысль» и заставить ее принять «любовь» (чувства!) как одну из высших культурных ценностей. «Она была девушка, она была влюблена» (эпиграф к главе третьей, пер. с фр.): вот и вся сущность Татьяны Лариной. Так сказать, ларчик просто открывался.

Получается, что любовь Онегина – это культурная ценность, а любовь Татьяны – проявление натуры. Не совсем так. Это сильное упрощение и искажение сути дела. Сердце Лариной – ларец! – таило в себе подлинные сокровища, которые помогли Онегину совершить культурные открытия. Без любви Татьяны не было бы любви Онегина; без женщины не появился и не состоялся бы мужчина.

Строго говоря, вопрос, не требующий ответа (ибо подразумевается: любой ответ не исчерпает глубины вопроса), уже фактически есть культ мистического, иррационального, мягко говоря – чудесного, культ веры и надежды, культ женского (природного) начала в противовес мужскому (культурному). Либо мужское (философское) начало становится точкой отсчета в романе, модели универсума, либо женское (поэтически-психологическое). Или сознание познает психику (персонаж мыслит) – или психика угнетает сознание (персонаж утопает в бессмысленных переживаниях). Роман как литературный жанр – это всегда роман (тип отношений) психики и сознания, содержание которого – любовь, тот сознательно-бессознательный симбиоз, где пересекаются и тщетно, но с предельной человеческой самоотдачей, пытаются «сплавиться» психика и сознание, нуждающиеся друг в друге. «Он» и «она» перестают быть вселенскими сиротами, однако цена за это единение – трагическое разочарование, цена за которое – моменты космической гармонии.

Пушкин недвусмысленно назвал свой *роман в стихах* (вновь бессознательный призыв к гармонии, результату сознательного отношения!) «Евгений Онегин», однако заставил своего героя общаться с поэтами и женщинами, так сказать, искать счастья не только в культурно-философской, но и в природно-поэтической среде.

В этом контексте Татьяна важна не сама по себе, а как объект отношений, характеризующих главного героя. Татьяна не претерпевает духовную эволюцию, равно как и Ольга, родная сестра Татьяны. Татьяна не мыслит, не познает. Она «выше этого»: она приспособливается – с большим чувством такта и достоинства (можно сказать проще: с большим чувством).

Если в романе главное путь от человека к личности, то следует сказать со всей определенностью: женщина не может быть героем, субъектом романа. Женщина не решает романские (культурные) задачи. Женщина нужна в романе постольку, поскольку там присутствует культурный герой – мужчина, стремящийся стать личностью. Мужчина – это причина, женщина и любовь – следствия, а роман – причинно-следственный дискурс. Отсюда – известные схематизм, заданность и одномерность женских образов (поскольку женское начало детерминировано натурой жестко и однозначно), всех, подчеркнем, образов, в том числе (и прежде всего) таких хрестоматийных и «полнокровных» образов, какими являются в мировой литературе женские образы Тургенева и Толстого, восходящие к классической Татьяне Лариной. Женщина, реализующая свою природу во благо культуре, может быть только такой и никакой иной. Собственно, это и есть «женщина на все времена».

В этой связи отметим: образ женщины – это всегда образ психологически аранжированной пустоты, ибо это образ чувства, но не образ смысла.

Что касается образа мужчины, образа личности, то он также многообразен и бесконечен в рамках жесткой культурной схемы: личность всегда решает универсальные задачи, стоящие перед человеком. Все мы в той или иной степени Евгении Онегины, нравится это кому-то или нет. Если ты не Евгений Онегин – значит, Татьяна Ларина; если не мужчина-личность, значит, женщина в облике мужчины. Третьего не дано.

Чтобы не обвинять мужчин (писателей и литературоведов), времена или нравы, следует опять же не упускать из виду причину причин. Все дело в том, что сама литература как вид искусства строго специализируется относительно культурных функций. Истину ищет философия, оформляя свои поиски в виде универсальных законов; литература является культурно ориентированной в той мере, в какой она вмещает в себя потенциал философии. Литература, как и любовь, – маргинальна. Иными словами, «мужчины» и «женщины» как разные информационные комплексы, образующие единый космос, целостное человеческое, гуманитарное и философское пространство, – это язык литературы.

Свобода творчества сводится к дилемме: или не замечать этой «обидной» зависимости, попадая в рабство к бессознательному (началу женскому), или подчиняться ей, обретая свободу выбора (выбор в культурном, а не в психологическом смысле, заметим, – это стремление лишиться выбора, стремление выбрать закон, а не иллюзорную свободу от закона, это мужское дело). Закон, закрепощая, – освобождает; чувство независимости, освобождая, – закрепощает самым унижительным образом, ибо оставляет в дураках.

Литература как форма культуры – стремится к закону, хотя делает вид, что избегает его. Вот почему в литературе мало культурных героев, и много героев, противостоящих культуре, как мужчин, так и женщин. Много пустоты, то есть бессознательного.

Вместе с тем именно литература является способом преодоления этой пустоты, является связующим звеном между натурой и культурой, психикой и сознанием, мужчиной и женщиной.